

Вельтман А. Ф. Повести и рассказы. Подготовка текста, составление, вступительная статья и примечания Ю. М. Акутина. М., "Сов. Россия", 1979. 384 с.

<http://imwerden.de> -- некоммерческое электронное издание, 2009

Бедная! Кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит: у нее нет друга. В 16 лет так свойственны душе мысли, сердцу чувства и желания: они переполняют края и не смеют излиться, они кипят, как в водовороте, и не смеют шуметь посреди шума людского. Бедная! Везде для нее уединение. Благодеяние приютило ее с малолетства, обуло, одело, кормит ее, учит всему, учит быть добродушной, покорной, учит жить не по своей воле, внушает в нее скромность, вкореняет чувства благодарности. О, сколько задолжала она своим благодетелям; ее природная красота взлелеяна, ум развернут, одарен всем блеском образования, ее понятия благородны, душа готова сочувствовать любви и дружбе, но это все принадлежит не ей: она ничем не имеет права располагать, ничем не может пользоваться; в ней все под замком, и она сама, как ключница, подает то из вверенных ей богатств, что потребуют. Ее всю закупило светское великодушие. Спросите же у него, кто она: амбра или мускус? "Это грязь, -- скажут, -- но она напиталась нашим благовонием". Как прекрасен стан ее, который так осторожно носит роскошную одежду из боязни, чтоб не упрекнули в небрежении чужого добра; как хороши ее каштановые волосы, причесанные гладко, скромно; но они не распустятся локонами, чтоб не назвали это кокетством. Как томны ее черные глаза; но взоры, эти стрелы без лука, падают к собственным стопам. Как цветущи уста ее, но они как будто созданы только для ответа. Как чист, приятен звук ее голоса; но не орган ли она, который заводят по воле и на веселую и на грустную песню? А вся она -- милое существо! Если б жив был Апеллес, он нарисовал бы ее посреди общего пира, облеченную в золотые ткани, но окованную не цветами, а железом. Дитя-любовь припало к ее стопам, обняло их, прилегло головкой к ножке и плачет.

Она со всеми и отстранена от всех; в толпе сверстниц она не подруга, в гостиной без голоса, повсюду без воли. Прилично ли ей участие в жизни того круга, в котором она приемыш, к которому привило ее благодеяние? У ней нет родных, но есть благодетели, для нее нет ни судьбы, ни счастья, но есть покровители; и какого счастья желать ей более? Оно уже излило на нее все дары свои: бесприютная сирота принята в дом, одарена всеми потребностями жизни; чего ж желать ей? Она за одним столом с богатством и почестями, для ночлега ей отведена теплая комната, ей платья шьют иностранки, ее возят с собой в карете. Чего еще ей остается желать, если она сравнена по образованию и по одежде с людьми значущими в свете? Нужно ли ей желать богатства, этого всеобщего идола, если она пользуется всеми дарами его? Как она счастлива! Счастлива; только ей нельзя забываться: она бы забылась, если б решилась обнаружить свои чувства, ум и желания; она бы забылась, ей бы напомнили не то, что она есть, но что была, если б она дала себе цену; ей бы напомнили о чем-то страшном: несколько слов, сказанных безжалостно о милосердии, совершившемся над ней, могут заставить увянуть цветущую ее молодость. Бедная! Кто из окружающих тебя понял тебя? Кто из свидетелей твоего молчания, посреди общего шума, был свидетелем твоих чувств? Кто был глух к ликованию беспечных и прислушивался к внутреннему голосу твоей души?

Есть ли о чем ей грустить: ей говорят, что она всем снабжена, всем одарена. Ее не учили грустить, но где же научилась она грусти? Может быть, с пятнадцати лет сама природа нашептала ей про иное счастье? может быть, сравнила она свою участь с участью подобных себе, равных ей по красоте тела и души? может быть, она поняла, взвесила себя? Но грусть ее была так тиха, так молчалива и таинственна для всего окружающего. Заботятся ли люди понять душевные нужды? или думают они, что только тело требует пищи и приюта, а у души нет жажды, а сердцу не нужно постороннего пламени? Тиха была ее грусть, мирна была жизнь ее; она, кажется, приучила душу свою ко всем недостаткам, привыкла жить по чужой воле, по чужому вкусу, по чужим желаниям, применилась ко всему. Но вдруг однажды, едва румяное утро прояснило природу, вбежала она в избу садового сторожа, бледная, испуганная, в слезах; волосы ее в первый раз распустились в беспорядке по плечам.

- Ольга Владимировна! -- вскричал старик Андреян, увидев ее как неожиданную гостью.
- Андреян, Андреян! -- проговорила она.
- Барышня, что с тобою?.., чего ты испугалась?..
- Скрой меня до ночи...

Она не могла продолжать и, как изнеможенная, в беспамятстве, припала на колени перед